

Российско-японские научные связи в контексте межкультурной коммуникации (подходы к исследованию)

Ирина Сергеевна Жущиховская,

доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.
E-mail: irina1zh@mail.ru

Юлия Вадимовна Куликова,

начальник управления протокола и сотрудничества Морского государственного университета имени адмирала Г.И. Невельского, г. Владивосток.
E-mail: kulikova@msun.ru.

Авторы статьи рассматривают возможные подходы к анализу и оценке российско-японских научных связей с позиции теории межкультурной коммуникации, разработанной в современной культурологии. Выделяются методологический и организационный аспекты коммуникаций. В числе важнейших факторов межкультурной коммуникации в сфере науки авторы рассматривают тип мышления и этнопсихологический портрет культуры. Теоретические позиции подкрепляются примерами проявлений данных культурных констант в методологическом и организационном аспектах российско-японской коммуникации в сфере науки.

Ключевые слова: Россия, Япония, российско-японские научные связи, культура, межкультурная коммуникация, тип мышления, этнопсихология.

Russian-Japanese scientific relations in the context of international communication (to the problem).

Irina S. Zhushikhovskaya, Dr. Sc. (History), IHAЕ, FEB RAS, Vladivostok.

Yulia V. Kulikova, Head of Protocol and Cooperation Department at the Maritime State University named after Admiral G. Nevelskoy, Vladivostok.

The authors consider possible approaches to the analysis and evaluation of Russian-Japanese scientific relations from the point of the theory of the intercultural communication developed in the contemporary studies of culture. The paper highlights methodological and organizational aspects of communications. The authors examine the mindset and ethnopsychological portrait of culture among the most important factors in the intercultural communication in the field of science. Theoretical positions are supported by the examples of the cultural constants' manifestations in methodological and organizational aspects of Russian-Japanese communication in the field of science.

Key words: Russia, Japan, Russian-Japanese scientific relations, culture, intercultural communication, mindset, ethnic psychology.

Для современного мира характерна высокая интенсивность межкультурных контактов, охватывающих многие сферы человеческой деятельности. Развитие российско-японских связей в последние 20—25 лет является хорошей иллюстрацией существующей тенденции к возрастанию количества и к качественному росту межкультурных контактов. На примере Дальнего Востока России можно видеть, как разворачивается межкультурный диалог: на повседневном уровне — через появление в нашем жизненном пространстве элементов предметной среды из Японии (промышленные и продуктовые товары, анимационные фильмы и т.д.), на профессиональном уровне — через контакты специалистов разных сфер, в частности научной, в сфере эстетическо-художественного просвещения — через знакомство с японской традиционной культурой и искусством и т.д.

Задача данной статьи — наметить возможные подходы к анализу и оценке российско-японских научных связей в культурологическом ключе с позиций межкультурной коммуникации. Хронологические рамки исследований, послуживших основой для написания статьи, — последние десятилетия XX — начало XXI в., территориальные рамки — юг Дальнего Востока России (Приморский и Хабаровский края, Сахалинскую область). Ранее мы обращались к изучению некоторых аспектов российско-японских взаимодействий в области науки, в частности, к характеристике направлений научных связей и субъектов (участников) коммуникаций [Ю.В. Куликова, 2008; Ю.В. Куликова, 2009].

Научные связи между Россией и Японией на Дальнем Востоке в конце XX — начале XXI в. осуществлялись в следующих областях знания: 1 — общественные науки, 2 — естественные и точные науки, 3 — технические и прикладные науки, 4 — межотраслевые и комплексные науки¹. При этом выделяются приоритетные направления в каждой из областей: в общественных науках — востоковедение, регионоведение, археология, этнография, экономика; в естественных и точных науках — науки о Земле; в технических и прикладных науках — горное дело, физическая культура и спорт; в межотраслевых и комплексных науках — экология и охрана окружающей среды.

В качестве субъектов научных коммуникаций со стороны России выступают академические институты, прежде всего институт ДВО РАН, вузы университетского уровня, музеи, отдельные исследователи, представляющие определённые учреждения. Со стороны Японии субъектами коммуникаций являются вузы (университеты), научные музеи, научно-исследовательские институты, различные общества и объединения учёных одного профиля, но работающих в разных учреждениях.

Особенностью является наличие в Японии большого числа всевозможных научных обществ (медицинских, географических, археологических, и т.д.), в том числе общественных объединений вузов, учёных или исследователей, организованных по тематическому, географическому или

¹ Области научного знания даны согласно государственному Рубриктору научно-технической информации (<http://grnti.ru/>).

профильному принципу [П.И. Пыжиков, 1984, с. 3—4]. На рубеже веков в российско-японском диалоге в области гуманитарных и общественных наук на юге Дальнего Востока России активно участвуют Японо-российское научное общество изучения проблем Дальнего Востока (район Кансай), Ассоциация музеев северных регионов Хоккайдо, Хакодатское общество изучения японо-российских связей, Кансайское общество изучения японо-российских связей и др. [Ю.В. Куликова, 2008]. Особым инструментом российско-японского научного диалога становятся международные региональные организации и ассоциации, такие как АРАССВА², благодаря деятельности которой российские и японские субъекты научной межкультурной коммуникации (*далее в тексте* — МК) занимаются совместными исследованиями в области экологии [Ю.В. Куликова, 2009]. Материалом исследования российско-японских межкультурных коммуникаций в области науки являются опубликованные монографии, научные статьи, сборники материалов научных конференций/симпозиумов; отчёты и справки о работе академических институтов, вузов, музеев, научных обществ; бюллетени исследовательских обществ, международных неправительственных организаций; информационные материалы, размещённые в СМИ и др.

В современной науке межкультурные коммуникативные связи изучаются с позиций разных отраслей гуманитарного знания: истории, политологии, международных отношений, этнопсихологии, культурологии. Концептуальные разработки по проблемам МК составляют сегодня отдельное и быстро развивающееся направление культурологической науки, позволяющее с теоретических позиций анализировать и оценивать коммуникативные отношения между представителями разных культур. Различные аспекты межкультурной коммуникации отражены в трудах представителей американской культурантропологической школы (Э. Сепир, Б.Л. Уорф, Ф. Боас, А. Кардинер, М. Мид, Р. Бенедикт, Дж. Горер, Э.Т. Холл, Д. Трагер, Г.У. Олпорт, Ф.Р. Клакхон, Ф.Л. Стробек, Д. Берло, М.Р. Сингер, Э. Стюарт, Д. Хупс, Г. Триандис, Л.А. Самовар, Р.Е. Портер, Д. Хаймс, У.Б. Харт, У. Гудикунст, и др.); японских школ антропологов и коммуникативистов (Наканэ Тиэ, Дои Такэо, Судзуки Такао, Цудзима Акира, Нагаи Ёносукэ, Фурута Гё, Наодзука Рэйко, Окабэ Роичи, Нисида Хироко, Уэхара Асако, Исии Сатоси и др.); российских культурологической и лингвистической школ (А.А. Потебня, А.А. Леонтьев, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, С.А. Арутюнов, Н.Д. Арутюнова, В.В. Красных, Н.И. Толстой, А.Д. Швейцер, В.И. Карасик, Н.Б. Мечковская, Б.А. Серебрённых, А.А. Уфимцева, Ю.Н. Караулов, Д.С. Лихачёв, Е.С. Кубрякова, Ю.С. Степанов, В.Б. Касевич, В.И. Карасик, М.Л. Макаров и др.).

² Ассоциация региональных администраций стран Северо-Восточной Азии (АРАССВА), действует с 1993 г., включает 39 региональных администраций, с 1999 г. работают подкомиссии по экологии, культурным обменам, технологиям, экономике и торговле и др.

МК³ включает в себя совокупность разнообразных форм общения между индивидами и группами, принадлежащими к разным культурам. Существуют разные подходы к исследованию межкультурной коммуникации: системно-семиотический, деятельностный, дискурсный, интерпретативный, лингвистический и др. К примеру, в рамках дискурсного подхода выделяются различные предметные дискурсы (направления) межкультурных коммуникаций: деловой, религиозный, юридический, художественный, научный и др. Дискурс понимается как «вербализованная речемыслительная деятельность», связанная с языком и языковым сознанием [В.В. Красных, 2001, с. 6]. Мы разделяем точку зрения на МК как на деятельность, и нам также близко понимание МК как «динамической системы взаимодействия субъекта с миром, единство внутренней (концептуализация и категоризация) и внешней (предметность специальной сферы) деятельности» [Т.М. Пермякова, 2009].

Если исходить из понимания информационно-семиотической сущности культуры, то науку следует считать одной из главных сфер, ответственной за создание, хранение, использование и передачу культурной информации в обществе. Согласно дефинициям философии, «наука — это сфера человеческой деятельности, функция которой — вырабатывать и теоретически систематизировать объективные знания о действительности» [24, с. 393].

К универсальным характеристикам МК в сфере современной науки, независимым от культурной принадлежности субъектов, или участников коммуникации, мы относим следующие:

1. МК в науке — это практически всегда коммуникация в рамках профессионального сообщества, в отличие, например, от коммуникации в сфере искусства, которая может представлять собой как отношения между профессионалами, так и отношения между профессионалами (артисты, художники и т.д.) и непрофессионалами (зрители, читатели и т.д.).
2. МК в науке может происходить на межгрупповом уровне (между научными учреждениями, исследовательскими коллективами, и т.п.), межличностном уровне (между отдельными исследователями), и личностно-групповом уровне («исследователь — учреждение»).
3. МК может строиться как на формально закреплённой организационно-правовой основе (договоры, соглашения и т.п.), так и на неформальной основе.
4. В МК в сфере науки практически всегда присутствуют более или менее отчётливо обозначенные мотивы и цели, направленные на решение конкретных научных задач.

---

³ Термин МК является общепринятым в российской науке, имеется также ряд синонимов, которые используются зарубежными исследователями, например, интеркультурная коммуникация, кросскультурная коммуникация, мультикультурная коммуникация.

5. Для МК в сфере науки характерно использование специализированных коммуникативных кодов (понятийно-терминологический аппарат науки).
6. В любом научном исследовании, даже проводимом на индивидуальном уровне, присутствуют и взаимодействуют два аспекта: методологический и организационный. Эти же аспекты присутствуют и в МК в области науки, т.е. коммуникация происходит параллельно и в методологии, и в организации исследований.

Наряду с вышеперечисленными универсальными чертами МК в сфере науки в каждом конкретном случае будет иметь свою специфику, обусловленную культурными особенностями её субъектов. Выделим те культурные составляющие, которые, по нашему мнению, в значительной мере определяют специфику внутренней деятельности субъектов МК. Это тип мышления и этнопсихологический портрет культуры, в той или иной мере проявляющие себя и в МК в сфере науки.

ТИП МЫШЛЕНИЯ

В современной культурологии существует весьма перспективное направление, изучающее связь культуры с типом мышления её носителей. Данное направление имеет междисциплинарный характер, так как его базой является теория функциональной межполушарной асимметрии головного мозга, разработанная изначально в нейрофизиологии⁴. Данная теория успешно используется для поиска инструментов «подлинной интеграции культур», которые учитывают «этнические особенности мышления и мировосприятия, тесно связанные со спецификой межполушарных отношений» [В.С. Ротенберг, В.В. Аршавский, Межполушарная асимметрия и интеграция культур]. Для нашего исследования наибольший интерес представляют функциональные различия, касающиеся аспектов организации контекстуальной связи между элементами фиксируемой и обрабатываемой в мозгу информации.

Левое полушарие головного мозга последовательно обрабатывает дискретную информацию и «работает» как цифровая система, а правое обрабатывает одновременно непрерывную информацию и «работает» как аналоговая система. В левом полушарии любой знаковый материал организуется в строго упорядоченный и однозначно понимаемый контекст с непротиворечивыми внутренними связями. Дискретное восприятие отдельных компонентов целого является основой формирования из них условной и упрощённой модели. Правополушарные компоненты мышления нацелены на одномоментное охватывание бесконечно большого

---

⁴ В 1981 г. американский нейрофизиолог Роджер Уолкотт Сперри получил Нобелевскую премию вместе с Дэвидом Хьюбелом и Торстеном Визелом «за открытия, касающиеся функциональной специализации полушарий головного мозга».

числа противоречивых с позиций формальной логики связей и формирования за счёт этого многозначного контекста — целостного образа мира во всех его проявлениях. Соответственно, выделяются левополушарный тип мышления — дискретно-аналитический, систематизирующий и анализирующий, и правополушарный тип — континуальный, интуитивно-синкретический, образный [Ф.Н. Ильясов, с. 44—47; В.С. Ротенберг, В.В. Аршавский; Д. Судзуки, с. 54; Т. Набэкура, с. 54 и др.].

На уровне индивидов обычно наблюдается доминирование по степени активности одного из типов мышления (большая включённость одного из полушарий в обработку информации), хотя нередки случаи их относительного равновесия. Тенденция к доминированию левополушарного или правополушарного типов мышления характерна и для этнических культур. Считается, что правополушарный тип мышления соответствует «мифологическому» типу сознания, это сочетание характерно в основном для культур Востока, в частности Восточной Азии. Левополушарный тип мышления, соответствующий «историческому» типу сознания, — отличительная черта культур Запада. Запад мыслит и отражает мир через понятия, Восток — через образы. Западный и восточный типы мышления соотносят также с *познанием* и *пониманием* соответственно: западный человек (познающий) противопоставляет себя постигаемому объекту, а для восточного постижения мира характерна «позиция погружённости в мир человека». Познание можно рассматривать как элемент научного осмысления действительности, а понимание — эмоционально-чувственного. [Т.Н. Снитко, с. 186; В.С. Ротенберг, В.В. Аршавский; Д. Судзуки, с. 53—61]

Необходимо отметить, что такие понятия, как «наука», «способ мышления», «анализ» не характерны для восточного мировоззрения и философии. По мнению японского исследователя Д. Судзуки, «никакая мысль о мысли не является восточным образом мысли», и «мышление всегда влечёт за собой подразделение и анализ, которые ведут нас по дороге двойственности» [Д. Судзуки, с. 54]. Японские учёные склонны критично оценивать западное аналитическое мышление. Они отмечают, что у носителей английского языка — аналитический склад ума, а у носителей восточных языков — синтетический: американец каждое событие или факт раскладывает на элементы, которые потом один за другим анализирует, а японец осмысливает этот же факт или событие в целом, в единстве элементов, его составляющих [Т. Набэкура, с. 54]. Д. Судзуки указывает на недостатки чисто аналитического подхода к исследованию: «В стремлении понять реальные факты мы разлагаем их на части, но когда потом снова пытаемся воссоздать целое, собирая их воедино, обнаруживаем, что каждая из них слишком ярко выделяется, чтобы составить одно единое и неделимое целое» [Д. Судзуки, с. 54]. Очевиден, однако, факт, что для любой деятельности, и в первую очередь творческой, важна работа обоих полушарий. Научное открытие невозможно без выполнения анализа и обработки научного материала, которые обеспечиваются работой

левого полушария, но огромную роль играют также интуиция и образное мышление, которые являются результатом работы правого полушария.

Большинство достижений современной науки связаны с научными школами Европы и США, теоретико-методологические основы которых, в свою очередь, ассоциируются с левополушарным типом мышления. Интересно обратиться к данным о количественном распределении лауреатов Нобелевской премии между разными странами по ведущим отраслям науки: по физике — США (78), Германия (27), Великобритания (19), Франция (11), Россия (12), Япония (7); по химии — США (58), Германия (28), Великобритания (26), Франция (8), Япония (7), Россия (1); по физиологии и медицине — США (89), Великобритания (29), Германия (19), Франция (11), Россия (2), Япония (2) [8]. Можно отметить несомненное лидерство таких стран, как США, Великобритания, Германия.

Среди японских нобелевских лауреатов немало таких, кто проходил программы послевузовского образования в США, работал в американских научно-исследовательских институтах или сотрудничал с американскими учёными. Это, например, молекулярный биолог Тонэгава Судзуми, Нобелевский лауреат премии по физиологии и медицине 1987 г., физик Масатоси Косиба, Нобелевский лауреат премии по физике 2002 г., Яманака Синъя, Нобелевский лауреат премии по физиологии и медицине 2012 г., и др. Ряд российских лауреатов Нобелевской премии работали в американских научных учреждениях. Например, Алексей Абрикосов, лауреат премии по физике 2003 г., с 1991 г. работает в Аргоннской национальной лаборатории (*Argonne National Laboratory*), а Андрей Гейм, лауреат Нобелевской премии по физике 2010 г., работает с 2001 г. в Манчестерском университете [33]. Становление и формирование вышеуказанных японских и российских учёных, без сомнения, происходило в лоне родной науки, однако знакомство с методологией западной науки, изучение английского языка (который называют языком науки) могли стать, хотя и опосредованно, одним из «кирпичиков» в фундаменте научного открытия, которые совершили эти учёные.

Доказана тесная связь между типом мышления и языком. Язык может оказывать решающее воздействие на формирование типа мышления. Идею о влиянии языка на формирование определённого типа, или стиля, мышления развивал американский исследователь Роберт Б. Каплан, который разработал систематизацию стилей мышления, соотносящихся с видами языков (английский, семитские, восточноазиатские, романские, и русский). Так, носители английского языка (западный стиль мышления) прямолинейны, излагают суть без лишних слов и оговорок. Русские сразу к проблеме не переходят, используют много «лишних», с точки зрения американца или англичанина, слов и фраз. Носители восточноазиатских языков обладают нелинейным, циклическим мышлением: при изложении сути вопроса никогда не говорят напрямую, подходят к теме с разных сторон, порой не имеющих отношение к главной теме [R. Kaplan, p. 20—22; Т. Набэкура, с. 54; А.Ф. Прасол, с. 61—64].

ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ КУЛЬТУРЫ

В культурологических исследованиях термин «этнопсихология» довольно тесно соприкасается с терминами «культурный менталитет», «национальный характер» и «национальная психология». Специфику этнопсихологии определяют как «изучение систематических связей между психологическими и культурными переменными при сравнении общностей и их членов» [Т.Г. Стефаненко, с. 30], а «национальную психологию» («психологию всей нации») усматривают в общенациональных чертах поведения [В.А. Пронников, И.Д. Ладанов, с. 5—6]. Понятия «менталитета» и «национального характера» в российской науке противоречивы: есть исследователи, которые отрицают наличие «национального характера» ввиду того, что «не только культура, но и то, что можно назвать «народной психикой», распределены между носителями культуры» [С.В. Лурье, с. 61]. Другие признают наличие этого феномена и определяют его как «социально-психологическое состояние субъекта — нации, народности, народа, его граждан, — запечатлевшее в себе (не „в памяти народа“, а в его подсознании) результаты длительного и устойчивого воздействия этнических, естественно-географических и социально-экономических условий проживания субъекта менталитета» [А.П. Бутенко, Ю.В. Колесниченко, с. 94]. Мы не ставим задачу доказать существование «национального менталитета» или «национального характера». В данном исследовании нас интересуют прежде всего этнопсихологические черты, так или иначе проявляющие себя в коммуникативных отношениях. В разных культурах существуют свои представления, стереотипы и нормы поведения в рамках оппозиций «я — другие люди», «свой — чужой», «старший — младший», «начальник-подчинённый», часто выступающие на первый план в процессе коммуникации, как внутрикультурной, так и межкультурной. Этнопсихологические черты русских и японцев, отражающиеся на особенностях коммуникации, на протяжении многих лет активно изучаются российскими и зарубежными авторами (С.В. Лурье; В.С. Жидков, К.Б. Соколов; Т.Г. Стефаненко; Ю.Е. Прохоров; В.А. Пронников, И.Д. Ладанов; Т. Дои; Р. Бенедикт и др.).

Ниже рассмотрим, как могут проявлять себя обозначенные культурные константы (тип мышления и этнопсихологический портрет) в методологическом и организационном аспектах российско-японских коммуникаций в сфере науки.

Оценка методологических параметров научного исследования (цели, задачи, структура и методика работы, итоги) должна, по-видимому, предполагать внимание к типу мышления субъектов коммуникаций. Целесообразно обращать внимание на такую важную составляющую научной методологии, как соотношение эмпирического и теоретического уровней познания. Согласно принципам европейской и российской науки, теоретическое осмысление эмпирического материала является необходимым итогом любо-

го серьёзного научного исследования. Степень разработки теоретического аппарата в разных дисциплинах, безусловно, различна. Однако во всех научных сферах прогрессивная динамика обусловлена в первую очередь развитием именно теоретической составляющей [В.С. Степин, с. 99—184].

Во многих областях японской науки явный приоритет отдаётся опыту, тогда как теоретическим обобщениям уделяется заметно меньше внимания. Есть мнение, что в Японии метод как таковой не является главным инструментом исследования, важнее метода старательность и усердие учёного (*дорёку*). А практика для японского исследователя важнее теории, для него характерен «практически-конкретно-чувственный» способ познания мира [Д.Г. Главева, 2003]. Данные установки находят проявление, в частности, в системе японского образования, для которого не свойственно разделение когнитивных и эмоциональных аспектов в обучении. Для японского обучения характерны приобретение коллективного опыта, подражание, «запоминание телом» (*карада дэ обоэру*), что приводит к снижению значимости вербальных контактов, и, в конечном итоге, к большей ценности практики по сравнению с теорией [Thomas P. Rohlen, Gerald K. LeTendre, 1998, p. 374; Д. Судзуки, с. 57—59; В.А. Пронников, И.Д. Ладанов, с. 34; А.Ф. Прасол, с. 60—61].

Если обратиться к примерам доминирования в современной японской науке эмпирической направленности, то можно назвать такую отрасль знания, как археология, которая в целом пользуется в обществе большим уважением и популярностью. В этой научной дисциплине в значительно меньшей степени, чем в европейской, американской и российской археологии представлены исследования аналитического, сравнительного и обобщающего плана, практически нет фундаментальных работ по вопросам теории. В то же время те направления археологии, которые нацелены на конкретные результаты и требуют тщательной работы с большим объёмом первичных эмпирических данных, применения современных методик, получили большое развитие. Например, палеоэкологические и палеоэкономические исследования, определение возраста древних памятников, и др. Вероятно, не является случайным появление в 80—90 гг. XX в. серии крупных аналитических и обобщающих работ по археологии Японских островов, подготовленных совместно американскими, английскими и японскими специалистами [Aikens, Higuchi, 1982; Akazawa, Aikens, 1986; Windows to Japanese past, 1986; Ancient Japan, 1992]. Известный исследователь Дзюнко Хабу отмечает большую эффективность англо-американских теоретико-методологических подходов в изучении археологических памятников Японии [Habu, 2004].

Нам кажется, что целесообразно оценивать итоговые результаты российско-японских научных программ и проектов с точки зрения соотношения теоретического и эмпирического уровней исследования. Основные формы, в которых эти результаты представляются научной общественности, — различного рода отчёты (в том числе и опубликованные), отдельные статьи, сборники статей и монографии. Надо отметить,

что в практике российско-японских научных связей на Дальнем Востоке опубликованных работ обобщающего, концептуального плана пока очень немного. Это монографии по таким дисциплинам, как археология, морская геология и биология, вышедшие в России и Японии в первое десятилетие XXI в. [17]. Тенденция к широкой публикации японской стороной материалов исследований (археологических, и др.) преимущественно в виде отчётов связана, на наш взгляд, как раз с доминированием эмпирического подхода к получению и обработке научной информации. Сами по себе такие отчёты являются прекрасной базой фактических данных, содержат массу полезных материалов и их предварительную систематизацию, однако с точки зрения двухуровневой модели познания представляют только первый этап исследования.

Сравнивая российскую и японскую научные методологии, надо обратить внимание на различные подходы к классификационным построениям. Особенно заметны эти различия в сфере общественных наук, где в сравнении с науками естественными фактический материал значительно более сложен для классифицирования и особенно типологических конструкций. В западной и российской науке классификация строится на принципах дискретности и иерархичности, и является одновременно и инструментом, и результатом научного познания предмета исследования [С.С. Розова, 1986]. В японской науке, особенно в гуманитарных дисциплинах, нередко доминирует тенденция к нестрогой, интуитивно-синкретической классификации. Так, например, обстоит дело в областях археологии, истории материальной культуры. В качестве примера можно привести существующую классификацию керамики неолитической культуры Дзёмон, основная схема которой была предложена ещё в 30-х гг. прошлого века. Базовый таксон классификации — керамический стиль, который может выделяться по одному, реже двум, наиболее ярким внешним признакам декора, формы или технологии. При этом единого основания для выделения керамических стилей не существует. Как отмечают сами японские исследователи, их подход к классификации археологической керамики отличается от западного подхода, предполагающего строгую дифференциацию и ранжирование признаков. Для японского археолога нередко более важным оказывается не логическое, а интуитивное определение критериев классификации [Nabu, Hall, 1999; Kobayashi, 2004, p. 27—34].

Другой пример связан с классификацией традиционных самурайских мечей. По оценке российского исследователя А. Сеницына, в японских классификационных построениях «избыточно широкий понятийный аппарат компенсирует или даже просто «маскирует» полное отсутствие адекватной типологической классификации», семантические поля каждой из представленных групп взаимно перекрываются так, что один и тот же меч может попасть в разные «типы», делается акцент на частностях, на выделении индивидуальных, конкретных особенностей меча [А. Сеницын]. Заметим, что при всех отличиях японского подхода к классификации от подхода западного, именно синкретический взгляд на предмет

изучения нередко позволяет японским исследователям увидеть, а точнее, «схватить» какие-то наиболее яркие черты, которые могут быть чисто внешними, а могут иметь и существенное значение. Нам кажется, что в аспекте методологии определённый интерес мог бы представлять синтез либо параллельное использование западного и восточного подходов к систематизации и классификации массовых материалов исследований. Например, тех или иных категорий археологических артефактов, и др.

Для анализа организационных аспектов МК в сфере науки интересны прежде всего этнопсихологические характеристики и особенности культурного менталитета, влияющие на стереотипы коммуникативного поведения.

Так, с нашей точки зрения, для успешного выстраивания отношений российско-японского сотрудничества важны сложившиеся в обеих культурах представления о долге в широком смысле этого понятия. В менталитете японского общества исторически сформировалась и действует развитая и многогранная культурная концепция долга, нашедшая, в частности, отражение в языковом разнообразии понятий и терминов, связанных с долгом. Одним из важнейших является понятие «*гири*», предполагающее паритетные взаимоотношения, обязательное равнозначное участие партнёров в каком-то общем деле, ожидание от партнёра эквивалентных усилий и затрат. [Р. Бенедикт, с. 153—171; В.А. Пронников, И.Д. Ладанов, с. 35—38; А.Ф. Прасол, с. 132—133]

В российской же культуре чувство долга не является столь глубоко и массово укоренившимся в сознании людей. Возможно, это объясняется значительной степенью ориентации нашего национального сознания на будущее, а не на конкретное настоящее, на ожидание какого-то внешнего импульса для разрешения проблемы, а не на поиск собственных внутренних ресурсов для преодоления трудностей [С.В. Лурье, с. 66; Т.Г. Стефаненко, с. 135—147; Ю.Е. Прохоров, с. 113—114, 120—121]. Различные культурные концепции долга могут создавать определённые сложности в процессе выстраивания паритетных взаимоотношений в российско-японских коммуникациях, в частности в науке.

Можно привести примеры, когда российско-японские научные проекты и программы прекращали своё существование в условиях отсутствия паритета в финансировании, либо в условиях отсутствия с российской стороны иных адекватных (не денежных) форм поддержки сотрудничества. Прекратили своё существование такие формы научной коммуникации как российско-японские симпозиумы, которые проводились с 1993 по 1999 гг. совместно с Хакодатским обществом изучения японо-российских связей. Одной из причин, возможно стало отсутствие паритета во взаимоотношениях, в т.ч. финансового [Ю.В. Куликова, 2008, с. 167—168]. Конечно, далеко не всегда можно найти причины неэффективности совместных работ путём формальных подсчётов вложений с той и другой стороны. Но учитывать культурные особенности и различия в понимании долговых обязательств в любом случае полезно уже на стадии планирования программ и проектов.

В ракурсе организационного аспекта МК в сфере науки также представляют интерес и другие элементы этнопсихологического портрета культуры: соотношение коллективного и индивидуального сознания, практики формального и неформального общения, и др. [А.П. Огурцов; С.В. Лурье, с. 69; Ю.Е. Прохоров, с. 100—105, 109—110; В.А. Пронников, И.Д. Ладанов, с. 35—38]. Среди этнопсихологических характеристик российской и японской культур есть и такие, которые могут иметь отношение не только к организационному, но и к методологическому аспекту МК в сфере науки. Это, например, степень конфликтности в коммуникативном поведении: для российской культуры характерен открытый спор как способ решения различных проблем, для японской культуры типичен уход от прямых дискуссий, острого столкновения мнений [А.Ф. Прасол, с. 94—100; 117—135; Ю.Е. Прохоров, с. 110—113; В.А. Пронников, И.Д. Ладанов, с. 38—42]. Дискуссия же, как известно, является одной из важных составляющих европейской методологии научных исследований. Разное отношение к дискуссии может прямо или косвенно влиять на эффективность и результат совместных российско-японских научных проектов.

В заключение отметим, что материалы нашего исследования позволяют поставить проблему выделения культурных детерминант, проявляющих себя в научных российско-японских коммуникациях. Это тип мышления, отражающийся прежде всего в теоретико-методологических стратегиях научных взаимодействий и определённых характеристиках этнопсихологического портрета культуры, влияющий в первую очередь на организационные стратегии. Дальнейшая разработка очерченной проблемы, как нам кажется, представляет как теоретический, так и практический интерес.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Бенедикт Р. Хризантема и меч: модели японской культуры. 2-изд., стёр. СПб.: Наука, 2007. 360 с.
2. Бутенко А.П., Колесниченко Ю.В. Менталитет россиян и евразийство: их сущность и общественно-политический смысл // Социологические исследования. 1996, № 5. С. 92—102
3. Главева Д.Г. Традиционная японская культура: Специфика мировосприятия / Д.Г. Главева. М.: Вост. лит., 2003. 264 с.
4. Ильясов Ф.Н. Информационная специализация и функциональная асимметрия мозга // Психологический журнал. 1987. Т. 8. № 6. С. 44—47.
5. Красных В.В. Точки над I или многоточие?.. (к вопросу о современной научной парадигме) / Язык, сознание, коммуникация: Сб. ст. / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс. 2001. С. 5—12.
6. Куликова Ю.В. Дальневосточные учреждения науки и образования в субрегиональном российско-японском диалоге в 1990-х — 2000-х годах // Российский Дальний Восток и интеграционные процессы в АТР: политико-экономические, социально-культурные проблемы: сб. материалов междунар. научно-практ. конф. Владивосток, 12 декабря 2008 г. / отв. ред. И.С. Трусова. Владивосток: Мор. гос. ун-т им. адм. Г.И. Невельского, 2009. С. 69—72.
7. Куликова Ю.В. Российско-японские научные связи (1984—2008) // Вестник ДВО РАН. № 5. 2008. С. 166—168.
8. Лауреаты нобелевской премии // Образовательный интернет-портал. URL: <http://www.nobeliat.ru/> (дата обращения: 10. 02.2013).

9. Лурье С.В. В поисках русского национального характера // Отечественные записки. 2002. № 3. С. 59—71.
10. Огурцов А.П.. Научный дискурс: власть и коммуникация (дополнительность двух традиций) // Философские исследования. 1993. № 3. С. 12—59.
11. Охотники-собиратели бассейна Японского моря на рубеже плейстоцена-голоцена / отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Кононенко / Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2003.
12. Пермякова Т.М. Моделирование и типология дискурса межкультурной коммуникации: автореф. дис. д-ра фил. наук / Т.М. Пермякова; Пермский университет им. А.М. Горького. Пермь: Б. и., 2009. 38 с.
13. Прасол А.Ф. Япония. Лики времени = Japan / The changing face of the times: менталитет и традиции в современном интерьере / Александр Прасол. М.: Наталис, 2008. 360 с.
14. Пронников В.А., Ладанов И.Д. Японцы (этнопсихологические очерки). Издание 2-е, исправленное и дополненное. М., Наука, 1985. 348 с.
15. Прохоров Ю.Е. Русские: коммуникативное поведение / Ю.Е. Прохоров, И.А. Стернин. — 3-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2007. 328 с.
16. Пыжиков П.И. Высшая школа и научные учреждения Японии. Вузы, государственные НИИ, научно-технические общества: справочник. М.: Наука, 1984. 240 с.
17. Растительный и животный мир Курильских о-вов: материалы Международного Курильского проекта. Владивосток: Дальнаука, 2002.
18. Розова С.С. Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск: Наука, 1986.
19. Синицын А. «Страшная тайна» японского меча: проблемные моменты типологии нихонто // Личная страница Андрея Баженова. URL: <http://bajenof.narod.ru/Sinitsin.html> (дата обращения: 12.03.2013).
20. Снитко Т.Н. К вопросу о специфике организации японского культурного пространства // Известия Восточного института. 2003. № 7. С. 185—199.
21. Степин В.С. Теоретическое знание (структура, историческая эволюция). М., 2000.
22. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебник для вузов / Т.Г. Стефаненко. 4-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2008. 368.
23. Судзуки Д., Кацуки С. Дзэн-Буддизм: основы Дзэн-Буддизма. Практика Дзэн / пер. с англ. Бишкек: МП «Одиссей», Гл. ред. КЭ, 1993. 672 с.
24. Философский энциклопедический словарь / С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичёв и др. 2-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1989. 815 с.
25. Aikens C.M., Higuchi T. Prehistory of Japan. New York — London: Academic press. 1982.
26. Akazawa T., Aikens C.M. Prehistoric hunter-gatherers in Japan: new research methods. Tokyo: Tokyo University press, 1986.
27. Ancient Japan / Ed. R. Pearson / Washington, DC: Arthur M. Sackler Gallery, Smithsonian Institute press, 1992.
28. Habu J. Ancient Jomon of Japan. Cambridge: Cambridge University press, 2004.
29. Habu J., Hall M. Jomon Pottery Production in Central Japan / Asian Perspectives — 1999 — Vol. 38 (1): p. 90—108.
30. Kaplan R. Cultural thought patterns in inter-cultural education / Landmark Essays on ESL Writing. T. Silva and P.K. Matsuda. Mahwah, NJ, Lawrence, Erlbaum Associates, 2001, p. 11—25.
31. Kobayashi T. Jomon Reflections. Oxford: Oxbow books, 2004.
32. The Lower Triassic system in the Abrek Bay area, South Primorye, Russia / Eds. Shigeta Y., Zakharov Y.D., Maeda H., Popov A.M. Tokyo: National Museum of Nature and science, 2009.
33. The official Web Site of the Nobel Prize // Образовательный интернет-портал. URL: <http://www.nobelprize.org/> (дата обращения: 10. 02.2013).
34. Thomas P. Rohlen, Gerald K. LeTendre. Conclusion: themes in the Japanese culture of learning // Teaching and learning in Japan, edited by Thomas P. Rohlen, Gerald K. LeTendre, — USA, Cambridge University press, 1998. p. 369—376.
35. Windows to Japanese past: Studies in Archaeology and Prehistory / Eds. R. Pearson, J.L. Barnes, K.L. Hutterer / Center of Japanese Studies, University of Michigan press, 1986.
36. 鍋倉健悦. 異文化間コミュニケーションへの招待 = Набэкура Такэёси. Приглашение в межкультурную коммуникацию. От понимания культур к межкультурному сотрудничеству. 3-е изд. Токио: Издательство Хокудзё, 2005 г. 212 с.